

виде, вошла в состав Ипатьевской летописи, а также, повидимому, и общерусского свода начала XIV в. (стр. 347).

II

Некогда принадлежавший императрице Екатерине II,¹ знаменитый Архивский сборник конца XV—нач. XVI в., судя по начинающему его подробному оглавлению, состоял из: 1. Апокалипсиса; 2. Хронографа от с. м. до взятия Иерусалима Веспасианом; 3. Русской летописи, кончающейся 1214 г.; 4. Сборника; 5. Пчелы. Самых текстов Апокалипсиса, Сборника и Пчелы недостает в настоящем составе рукописи (Моск. Главн. архива Министерства иностранных дел, № 279—658, прежде № 902—1468). В той части Архивского хронографа, где рассказ из хроники Малалы разрезывает XI главу книги Бытия, помещено сведение о ереси некоего Совия, поганская прелесть которого вошла и „в литовский род, и Ятвезе, и в Прусы и в Емь и во Ливь“, и выразилась, между прочим, в том, что они „и ныне мертва телеса своя съжигают на крадах“ и приносяж жертву „скверным богомъ Андаеви и Перкунови, рекше грому, и жворунѣ, рекше суцѣ,² и Телявели къ кузнею, сковавше ему солнце, яко свѣтити по земли и възвергъшю ему на небо солнце“. В параллель к этому кн. М. А. Оболенский привел две цитаты из Ипатьевской летописи, из Галицко-Волынской ее части, где у Литовцев упоминается жертва Телявели, призывание бога Андая, сожжение мертвых, но нет имен Жворуны и Перкуна, за то приведены еще три иных имени богов и обычаи, не упомянутые в Хронографе: И. 1252 г.: „Миндог же посла къ папѣ и приа крещение. Крещение же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ вѣтайнѣ, первому Нѣнадѣви [Х. Нонадѣви], и Телявели, и Дивирикъзу, зачему богу и Мѣдѣвину [Х. Медѣвину, Е. Миндѣвину]; егда выѣхаше на поле и выбѣгнаше заяць на поле, въ лѣсъ рождения не вохожаше вону и не смѣяше ни розгы уломити, и богомъ своимъ жряше, и мертвыхъ тѣлеса сожигаше, и поганство свое явѣ творяше“. И. 1258 г.: „Романови же пришедшу ко граду и Литвѣ [ко граду—т. е. к г. Возвяглю, только что сожженому и разгромленному Даниилом Галицким], потокши на градъ Литвѣ, не вѣдѣша [Х. не видѣша] ништо-же, токмо и головѣ ѣ, ти псы течюще по городищу; тужаху же и плаваху, по-свойски рекуще: „янда, взывающе боги своя, Андая и Дивирикса, и вся боги своя поминающе, рекомыя бѣси“.³ Из сличения сведений о литовской мифологии, находящихся в тексте Архивского хронографа и Ипатьевской летописи, М. Оболенский выводит, что указания на литовские божества Ипатьевский летописец заимствовал из древле-Болгарского перевода хроники Иоанна Малалы (XXI). Этот вывод приходится уточнить. Если бы Оболенский обратил внимание на то, что сведения о литовской мифологии Архивского хронографа и Ипатьевской летописи не покрывают друг друга, то при предположении общего им источника именно в хронографе исследователь должен был бы сказать, что этот хронограф был более полного вида, чем Архивский, который, таким образом, представлял более позднюю редакцию сравнительно с использованной Ипатьевским летописцем. В конце хроногра-

¹ Кн. Оболенский, Лет. Переясл.-Сузд., стр. LIX.

² По словам М. Н. Петерсона, собака по-литовски: szuva. Не соответствует ли этому слову „жво“, — первая часть имени „Жворуны“ (суки).

³ „Летописец Переяславля Суздальского .. изд. кн. М. Оболенским“, М., 1851, стр. XIX—XXI; цитаты Ипат. исправлены нами по т. II² изд. ПСРЛ, цитаты из Хронографа по изданию В. М. Истрина, „Александрия русских хронографов“, М., 1893, стр. 359—360.